

МЬЯНМА. КАК ЭТО БЫЛО В 90-е

В.В. НАЗАРОВ

Посол России в Мьянме в 1992-1997 гг.,
вице-президент Российского общества
дружбы и сотрудничества с Мьянмой

Фраза, вынесенная в заголовок этих заметок, в последнее время звучит все чаще - по преимуществу в вопросительной интонации: наступило время осмысления нашей новейшей истории. Ответы, как и многое другое в нашем обществе, зачастую полярны - от восторженных («время надежд, раскрепощения, созидательной работы, свободы и демократии, вхождения в сообщество цивилизованных наций...») до обличительно-непримиримых («лихие 90-е», «смутное время», «годы предательства, распада, развала, разграбления, обнищания, капитуляции перед Западом...»). Или-или. Автор не претендует на роль третейского судьи - его намерение скромнее: попытаться разобраться в том, что, почему и как было у нас в 1990-е гг. на примере небольшого сегмента российской внешней политики и дипломатии того периода, и конкретно - наших отношений с Мьянмой (Бирмой). Разумеется, эти размышления и оценки строятся на основе собственных - если угодно, пристрастных, субъективных - наблюдений, убеждений и опыта.

В истекшем году минула 60-я годовщина установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Бирмой, практически совпавшая с 60-летним юбилеем независимости этой неизменно дружественной нам страны Юго-Восточной Азии. Но были и непростые периоды, когда наши связи подвергались серьезным испытаниям на прочность. В этом плане лично для меня из 18-ти без малого лет, проведенных на дипломатической работе в Бирме (с 1989 г. - Мьянма), особо памятной осталась последняя командировка в Янгон в 1992-1997 гг. И не только потому, что я находился там в качестве посла Российской Федерации. В начале 90-х добрые отношения между двумя странами, как и многое другое из наработанного в советский период позитива во внешней политике Москвы, оказались на грани коллапса, и основные усилия посольства были направлены на то, чтобы, не допустив их полного развала, сохранить и по возможности расширить российское присутствие в Мьянме.

«НОВЫЙ» КУРС - ПУТЬ В НИКУДА

Мысленно перебираю драматические события конца 80-х - начала 90-х гг. Советский Союз, испы-

Данной публикацией редакция завершает серию воспоминаний советских/российских дипломатов о работе в Бирме (Мьянме) в 1960-1990-е гг. См.: Назаров В. Бирма. Жаркий август 1968-го // 2008, № 8, с. 76-80; Листопадов Н. Россия - Мьянма: устойчивый интерес друг к другу // 2008, № 11, с. 47-50.

тывая политические и экономические потрясения внутри страны и целенаправленные удары извне и оказавшись не в состоянии, прежде всего из-за бесхребетности тогдашнего политического руководства, преодолеть нараставшие проблемы и противоречия во всех областях национального бытия, шаг за шагом сдавал свои позиции, в том числе международные, и в конечном итоге распался, а новая российская государственность только зарождалась. Вспоминаю обстановку, в которой тогда работал наш МИД.

Положение вещей в то время характеризовала, на мой взгляд, прежде всего давившая на нас - и отнюдь не только в МИДе - атмосфера разброда и шатаний. От самодостаточного, мирного и в целом рационального внешнеполитического курса великой державы, диктуемого в том или ином конкретном международном контексте высшими интересами страны - порой превратно понимаемыми, чрезмерно идеологизированными, но в основе своей национально и стратегически ориентированными - новое государственное руководство, а вместе с ним и руководство МИД, с ходу «перевело стрелку» на рельсы «цивилизованной» и «прагматичной» политики на базе «демократических ценностей» (кто бы возражал!). На практике, однако, перемены зачастую сводились к следованию в русле политико-экономических интересов и установок наиболее своекорыстных, тенденциозно настроенных и «упертых» кругов Запада, прежде всего США. Буквально на глазах разваливались наши наработанные десятилетиями концептуальные - и отнюдь не одни лишь конфронтационные! - внешнеполитические и экономические подходы, позиции и связи, которые деловито замещались (ибо природа не терпит пустоты!) ориентирами новых «стратегических партнеров». Последние четко ставили перед Москвой свои «рекомендации» и придирчиво следили за их реализацией.

Для нас, работавших на восточном направлении российской дипломатии, все это проявлялось не менее, а в чем-то, быть может, даже более зримо, чем для «западников». Достаточно было ознакомиться хотя бы с материалами регулярных «консультаций» тогдашнего министра иностранных дел России А.В.Козырева с его американскими коллегами (думаю, что правильнее было бы определить главное содержание этих контактов как напористое продвижение инструктивных установок или, если угодно, наставлений Госдепартамента США МИДу России, которые г-н Козырев с готовностью воспринимал, а порой попросту испрашивал), чтобы уяснить, что дело шло к сдаче нами позиций по всем основным азимутам внешней политики страны, к вытеснению

В. Назаров на церемонии вручения верительных грамот председателю Госсовета Мьянмы, старшему генералу Тан Шве (ноябрь 1992 г.).

России из стратегически важных регионов планеты, в том числе на Востоке.

Вместе с тем, справедливость требует отметить, что на Смоленской площади такой «сценарий» далеко не всеми приветствовался и безропотно исполнялся. Были и реальные попытки по возможности как-то нейтрализовать, скорректировать или самортизировать его наиболее одиозные проявления, было глухое сопротивление порочной линии. Не берусь свидетельствовать за весь МИД, но на южноазиатском направлении (Мьянма в те годы относилась к этому сегменту наших внешних связей) такое противодействие, безусловно, имело место. Понятно, что главным объектом внимания в этом плане была Индия; но и в отношениях с другими государствами региона мы (а правильнее сказать - многие из нас) не собирались покорно сдавать нарабатанные позиции.

СНОВА В БИРМУ

Такова была общая ситуация, в том числе психологическая, когда весной 1992 г. мне было сделано предложение вновь отправиться в Рангун (Янгон), на этот раз в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла России в Союзе Мьянма - весьма своеобразном государстве, много лет руководимом военными. Скажу честно, что я недолго раздумывал над этим предложением - хотелось «на месте» заняться реальным делом, попытаться воспрепятствовать утрате того, что еще можно было сбереечь в наших отношениях - дружественных, но не столь уж активных и прежде, за исключением середины 50-х - 60-х гг. - со страной, работе в которой было отдано много лет, а если получится, то и добиться хоть каких-то положительных подвижек в плане возобновления взаимовыгодного сотрудничества. Тем более, что в отличие от «номенклатурных работников», направление которых на дипломатическую службу нередко означало почетную ссылку, для рядового мидовца назначение послом всегда считалось «пиком» дипломатической карьеры - ведомственная поговорка гласила:

«посол - он и в Африке (т.е. и в самом захолустном, малоизвестном месте) посол». Мьянма в этом отношении была сродни Африке - нередко ее так и воспринимали, и не только «люди с улицы».

Примечательный курьез произошел на заседании Коллегии МИД, на котором моя кандидатура в числе других утверждалась для представления в Администрацию Президента России. Когда секретарь Коллегии зачитывал «послужной список», в котором несколько раз при упоминании моих предыдущих должностей называлась Бирма, а вносилось предложение о направлении послом в Мьянму, на лицах нескольких членов Коллегии отразилось некоторое удивление. Уловив этот «нюанс», сидевший рядом со мной Бахтиер Хакимов - «восточник» с незаурядным кругозором и опытом, который утверждался послом в Намибию, - не без иронии сказал мне на ухо: «Действительно странно - человек всю жизнь проработал по Бирме, а послом его почему-то назначают в какую-то Мьянму». Ко всему этому я относился «с пониманием», не строя себе иллюзий по поводу реального политического веса предложенного мне поста в официальной «табели о рангах», не говоря уже об уровне его престижности в традиционной мидовской иерархии. Но назначение в Мьянму меня привлекало, помимо отмеченных выше «рабочего» и «карьерного» моментов, еще и тем, что такой пост предоставлял относительную самостоятельность (московскому начальству было мало дела до «загранточек» вроде посольства в Янгоне), и посол мог действовать там, не находясь непосредственно в главном русле ельцинско-козыревской внешней политики, без чрезмерной оглядки, не привлекая особого внимания и в то же время будучи в состоянии делать в сложившейся обстановке хоть что-то полезное в интересах своей страны, как я их понимал, в этом районе Азии.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА - МЕНЯТЬ ПОДХОДЫ!

В начале ноября 1992 г. я вместе с семьей в четвертый раз прибыл в Янгон. Не вдаваясь в детали, отмечу, что встречен был довольно хорошо - и мьянманцами, среди которых было немало старых добрых знакомых, и иностранными коллегами по дипкорпусу, и своими, посольскими работниками, хотя среди последних и чувствовалась известная настороженность - с чем приехал новый шеф?

Общая неутешительная картина в двусторонних делах, которую я достаточно ясно представлял себе, работая на Смоленской площади, при ближайшем рассмотрении оказалась и вовсе безрадостной - в конце 1992 г. это было практически полное «безрыбье» и затишье. Предыдущий посол В.И.Шабалин был отозван еще за несколько месяцев до моего приезда (и винить этого разностороннего и широко мыслящего дипломата было не в чем - период его миссии объективно пришелся на «перигей» - самую низкую точку в нашей восточной политике*), а вре-

* В недавно изданных мемуарах «Жизнь прожить» - содержательной и честной книге, которую я всячески рекомендую всем, кто размышляет о судьбах нашей страны и в том числе о ее внешней политике, В.И.Шабалин справедливо пишет о «ровных, как пустой стол» отношениях Москвы и Янгона в тот период.

менный поверенный в делах (согласно мидовскому фольклору - «временный неуверенный») ограничивался в «переходный период» выполнением будничной работы, «текучкой», и это тоже вряд ли следовало ставить в укор ему лично. Уже были ликвидированы или находились в стадии ликвидации почти все представительства центральных российских организаций в Янгоне - торгово-экономических ведомств, ССОДа (сейчас - Росзарубежцентр), ИТАР-ТАСС, АПН, Аэрофлота, Совэксспортфильма, «Международной книги» и других; сокращался персонал посольства, существенно урезалось финансирование. Таково было реальное положение, и аналогичная ситуация превалировала в большом числе наших «загранточек», особенно на Востоке; целый ряд из них был попросту закрыт.

Приниматься за дело необходимо было, уж извините за архаизм, с «мобилизации коллектива», преодоления пассивности, настроений уныния и пессимизма - причем не столько разговорами и уговорами, сколько повседневной работой, выделяя приоритеты и вовлекая людей в решение практических вопросов с нацеленностью на конкретный результат. Постепенно складывалась команда единомышленников - дипсотрудников посольства, которые в той или иной мере, но добросовестно работали на общее дело. В разные годы в этот круг входили Н.М.Федюкович, К.К.Провалов, Я.С.Миرونюк, В.Н.Фисенко, В.И.Кончаков, М.С.Горелов, Н.А.Листопадов, А.Л.Тихонов, С.А.Симакин и некоторые другие коллеги. Впрочем, хватало в посольстве и скептиков. Но главное заключалось в том, что шаг за шагом мы содействовали восстановлению российского присутствия в Мьянме, расширяли диапазон нашего влияния в различных сферах местного истеблишмента и мьянманского общества в целом.

Одновременно приходилось - «под лежащий камень вода не течет» - настойчиво убеждать, аргументировать и доказывать Центру, т.е. московскому начальству, не «вообще» абстрактную возможность и полезность, но конкретную политическую и сугубо практическую целесообразность, прагматичный интерес для России тех или иных, пусть небольших, но реальных дел по оживлению отношений с Мьянмой, наполнению их предметным содержанием. Так или иначе, «страну пребывания» приходилось как бы открывать заново, используя сегодняшний сленг - «пиарить», приобщать к нашим делам в Янгоне людей в московских кабинетах. Знаю, что подобным же образом действовали многие российские послы на Востоке. Вряд ли стоит умалчивать о том, что были и такие коллеги, которые придерживались других правил - «не высовываться», «как бы чего не вышло» и т.п.

ТЕРПЕНИЕ И ТРУД - ПОРОЙ КАК У СИЗИФА

Должен сказать, что в ответ на первый же серьезный «заход» - предложение (со ссылкой на пожелания партнеров) о завязывании поначалу малоформатного сотрудничества с Мьянмой в перспективной и выгодной для нас, но вместе с тем политически чувствительной области - военно-технической - посол получил вежливую, но недвусмысленную

С министром иностранных дел Мьянмы У Он Чжо на одном из приемов в Янгоне.

«вздрычку» от нашего МИДа: «до тех пор, пока в Мьянме не произойдут радикальные перемены демократического характера...» и т.д. И хотя Россия официально не присоединилась к фактически введенному США и государствами ЕС эмбарго на поставку в эту «военную республику» (определение из британского справочника) продукции военно-технического или двойного назначения, в данном, как и в других подобных случаях, козырьевская линия на «солидарность», а по существу - единство действий с Западом достаточно строго выдерживалась. При этом, не говоря уже о пренебрежении прямой выгодой для России, не принималось во внимание то обстоятельство, что Запад, третируя и «демонизируя» недемократичную, но довольно патриархальную, умеренную, я бы сказал, патерналистскую во внутренней политике, однако самостоятельную и непослушную как во внутренних, так и во внешних делах мьянманскую военную «хунту», отнюдь не был столь же щепетилен в своих подходах (в том числе в вопросах военно-технического сотрудничества) к целому ряду ничуть не менее диктаторских и авторитарных, но зато вполне лояльных и полезных ему в том или ином отношении режимов, в том числе и военных. Классическая ситуация применения двойных стандартов! Достаточно вспомнить, «как это было» в 1990-1992 гг. в случае с Алжиром, где практически одновременно с Мьянмой состоялись парламентские выборы, на которых, как и в Мьянме, победу одержала оппозиция - правда, не демократическая, а исламско-фундаменталистская, - но результаты которых, как и в Мьянме, были аннулированы военными. И хотя особой разницы в действиях мьянманских и алжирских генералов не наблюдалось, первые были подвергнуты остракизму, а во втором случае Запад, как говорится, «вошел в положение» и проявил полное «понимание» ситуации (что в политическом плане, наверное, было резонно, но плохо корреспондировалось с провозглашаемыми «универсальными принципами демократии»). И если на положение в ряде «проблемных» стран наши западные партнеры смотрели, что называется, поверх очков (или сквозь «розовые очки»), то когда

дело касалось Мьянмы, равно как и некоторых других стран-«изгоев», применялся (и применяется поныне), фигурально выражаясь, весь набор оптических приборов - от микроскопа до телескопа.

В этой обстановке приходилось немного лавировать (но не обманывать - боже упаси!), идти обходными путями, использовать тактику некоторого выжидания и маневрирования - наряду с настойчивыми обращениями не только в МИД РФ, но и в другие центральные организации, вступать в непосредственные контакты с их руководством в периоды отпусков и т.п. Что касается упомянутой выше «оборонной инициативы» посольства, то результатами дальнейшей работы (это заняло немало времени) стали неоднократные деловые встречи и переговоры представителей «Авиаэкспорта» и мьянманских ВВС с последующей поставкой в Мьянму в 1995-1996 гг. солидной (по меркам заказчика) партии транспортных (без вооружения) вертолетов Ми-17, а параллельно с этим - серия контактов по линии «Росвооружения» с Минобороны Мьянмы, переросших через несколько лет во взаимовыгодное сотрудничество в военно-технической области. Деятельное участие в налаживании этих связей принимали сотрудники нашего военного атташата. Вспоминаю, как я «вздрогнул» на совещании роспослов в странах Азии, которое МИД РФ организовал летом, если не ошибаюсь, 1995 г., когда в выступлении главы «Росвооружения» (с 2000 г. - «Рособоронэкспорт») А.И.Котёлкина вдруг услышал свою фамилию - оратор комплиментарно высказался об усилиях посольства, благодаря которым чиновники его ведомства начали правильно выговаривать слово «Мьянма».

Не обходилось без курьезов. Так, в один прекрасный день, когда в Янгон прилетели для проведения очередного раунда деловых переговоров представители «Авиаэкспорта» совместно с одним из руководителей Казанского вертолетного завода, выяснилось - уже в местном аэропорту! - что тем же рейсом прибыли люди из «конкурирующей организации» - Уланудинского вертолетного завода. Мьянманцы встретили обе группы, развезли их по разным местам и стали - вполне грамотно - работать и с теми, и с другими, сталкивая конкурентов и, соответственно, пробивая максимально выгодные для себя условия намечаемой сделки. Посольству пришлось аккуратно вмешаться и «реагировать» в том плане, что не следует российским «близнецам» топтаться вдвоем, отдавливая друг другу ноги, на одной и той же, к тому же небольшой, деловой площадке - правильнее будет договориться по-хорошему. «Конфликт интересов» удалось уладить.

ЕЩЕ НЕ ПЕРЕЛОМ, НО УЖЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Менее конфликтным, но не менее длительным был, также инициированный посольством, процесс установления нашего сотрудничества с Мьянмой в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ - с учетом того, что в те годы в приграничных районах Мьянмы, примыкавших к «опиумным» областям Таиланда и Лаоса, транснациональной наркомафией произво-

дилась бóльшая часть мирового объема героина и ряда других наркотиков, а шедший из «золотого треугольника» наркотрафик затрагивал и Россию. В налаживании антинаркотического сотрудничества, наряду с неторопливостью наших инстанций, в полной мере проявились свойственные мьянманцам суперосторожность и медлительность, помноженные, я бы сказал, на махровый бюрократизм. В результате многочисленные контакты, переписка и переговоры затянулись почти на три с половиной года. Наконец, в начале 1997 г. немаловажное двустороннее соглашение было подписано. Помню, как прибывший тогда в Мьянму во главе российской делегации замдиректора ФСБ генерал-полковник В.А.Соболев сказал мне с некоторым «уважительным удивлением»: «Честно говоря, мы уже не надеялись, что посольству удастся «дожать» сверхосторожных мьянманцев, побудить их к заключению такого соглашения, и с кем - с ФСБ!». Не скрою, я не без удовольствия наблюдал на одном из дипломатических приемов - как раз в тот день, когда местные газеты сообщили о приезде в Янгон делегации ФСБ, - изумление на лицах иностранных коллег и давал соответствующие пояснения.

Но, пожалуй, наиболее эффективным и, я бы сказал, зрелищным было состоявшееся раньше, в конце 1993 г., краткое посещение Мьянмы пилотажной группой российских ВВС «Русские витязи» в составе четырех самолетов, которые на обратном пути из Малайзии, где они принимали участие в авиасалоне «ЛИМА-93», провели показательное выступление в районе янгонского аэропорта. Насчет такой возможности мы заблаговременно «намекнули» бирманцам - неожиданно это было воспринято. Москва не возражала, и в одно прекрасное утро два российских СУ-27 с ревом ворвались в небо над столичным аэродромом, буквально разорвав патриархальную тишину янгонского предместья. Обычно сдержанные бирманцы - а в аэропорту собрался не только авиационный бомонд, но и практически весь личный состав местных ВВС, сотни людей - только стонали и ахали, не отрывая глаз от того, что лишь очень слабо передается термином «высший пилотаж». Когда «сухие» приземлились, присоединившись к севшим раньше МИГ-31 и ИЛ-76, зрители кинулись на летное поле, облепив, буквально как муравьи, наши самолеты и пытаясь как-то объясняться с летчиками. Можно сказать, что с того дня бирманцы «заболели» нашими самолетами, и через несколько лет, когда условия созрели, это дало свои результаты.

Среди политических контактов того периода, имевших существенное значение для укрепления двусторонних отношений, стоит отметить осуществленные, с подачи и при дипломатической поддержке посольства, визиты в Россию - военно-государственной делегации Мьянмы во главе со 2-м секретарем Госсовета (третьим лицом во власти) генерал-лейтенантом Тин У (1995 г., первая за долгие годы поездка из Янгона в Москву на подобном уровне) и в Мьянму - делегаций Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ (1995-1996 гг.). Парламентские визиты - также впервые за много лет - были проведены несмотря на отсутствие в Мьянме аналогичных выборных ин-

ституты законодательной власти. Уместность установления таких связей мотивировалась нами тем, что законодательные и все другие важнейшие функции в Мьянме осуществляются высшим органом военно-политического руководства в лице Государственного совета, с представителями которого целесообразно напрямую обсуждать и решать наиболее значимые вопросы двусторонних отношений. Вспоминаю (извините за «нескромность»), как зам. председателя Госдумы А.Д. Венгеровский, делясь с нами перед отъездом из Янгона впечатлениями о пребывании в Мьянме, признался, что никак не ожидал столь интересного визита и поблагодарил посольство за настойчивость: «Уверен, что если бы даже вся Дума в полном составе ломала голову над тем, куда еще стоит направить делегацию, то вряд ли кто додумался бы послать ее в Мьянму».

В тот же период, в середине 90-х, удалось добиться возобновления консультаций между МИД обеих стран. В 1996 г. в Янгоне, в частности, побывал замминистра иностранных дел РФ А.Н. Панов, а Москву в июне 1997 г. посетил его коллега из Мьянмы У Ньюнт Све. Результатами этих контактов, которые в последующие годы стали регулярными, были не только дискуссии по интересующим обе стороны вопросам двусторонних отношений и международным проблемам, но и - что более важно - сближение, согласование подходов и взглядов. Не припомню, чтобы по какому-либо значимому внешнеполитическому вопросу наши позиции сколько-нибудь существенно различались. В ООН и других международных организациях мьянманцы, как правило, поддерживали российские инициативы, голосовали вместе с нами и никогда - против. Мы без труда находили общий язык с мьянманцами, когда речь заходила о безальтернативности многополюсного мироустройства - вопреки глобалистским претензиям «единственной сверхдержавы». При этом в Янгоне дипломатично, но настойчиво высказывались за активизацию внешней политики России, особенно на Востоке, рассматривая ее в качестве существенного фактора международной и региональной стабильности, как противовес известному курсу новых претендентов на роль «международного полицейского».

Особое значение для нас в то время имел неизменно дружественный Москве подход Мьянмы к «чеченскому вопросу». Хорошо зная по собственному опыту, что такое терроризм и сепаратизм, мьянманцы - вместе с не столь уж большим тогда числом представителей других государств - всегда, когда эта тема «вытаскивалась» на международный уровень, занимали позицию в поддержку антитеррористического курса и обеспечения территориальной целостности Российской Федерации, хотя и воздерживались от громких заявлений.

Одновременно предпринимались шаги по линии как государственных, так и частных структур, нацеленные на оживление двусторонних торгово-экономических связей, которые к началу 90-х приобрели не более чем символический характер. Безусловно, полезную роль играли возобновившиеся культурно-информационные контакты, а также обмены между буддийскими организациями двух стран.

Подписание двустороннего соглашения о борьбе с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ в ходе визита в Мьянму зам. директора ФСБ РФ В.А. Соболева (справа) (январь 1997 г.).

Возможно, придирчивый читатель усмотрит в этом «отчете о проделанной работе» элементы бахвальства и саморекламы. Смею уверить, что автор не ставит перед собой подобных задач. Дело действительно было именно так, а не иначе. Посольство работало не за страх, а за совесть, порой набивая себе шишки, но не сворачивая в сторону (хотя, признаюсь в скобках, бывали моменты, когда возникало желание бросить все к чертовой матери и сосредоточиться на «приятностях» дипломатической жизни...). Главные результаты сделанной в тот период работы проявились позже, после очередной «смены караула» - но для того, чтобы выбраться из прежнего болота и начать вновь выстраивать продуктивные отношения с Мьянмой, потребовались энергичные усилия именно нашей команды.

Все ли нам удавалось? Нет, не все. Так, не удалось реализовать инициативу, имевшую целью наладить практическое сотрудничество с Мьянмой по линии российского госкомитета по геодезии и картографии - речь шла о проведении космических фотосъемок и картографирования территории Мьянмы. Наши партнеры проявляли заинтересованность, изучали предложения, «облизывались» - но в итоге договориться не удалось из-за довольно высокой стоимости проекта. Были и другие неудачи, случались и промахи - «не ошибается тот, кто ничего не делает». Добавим, что в Москве те или иные предложения посольства нередко не встречали ни поддержки, ни отказа, а просто утыкались в бюрократическую «ватную стену»; не раз и не два в ответ на свои запросы мы получали казенные отписки - это была распространенная болезнь. Главным, однако, в середине 90-х стало то, что отношения с Мьянмой, наконец, начали сдвигаться с «мертвой точки».

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН - БОЛЬШЕ, ЧЕМ МЕТАФОРА

Наша работа по «размораживанию» дел с Мьянмой, их активизации не имела бы успеха без поддержки, внимательного и заинтересованного отношения высшего руководства этой страны - председа-

теля Госсовета старшего генерала Тан Шве, его ближайших в то время соратников генералов Кхин Ньюнта, Тин У и Маунг Эя, ряда других членов властного истеблишмента в Янгоне, которые видели, что мы в отношениях с Мьянмой не преследуем своекорыстных интересов, и стремились как-то компенсировать - путем активизации связей с Россией и, конечно, с Китаем - более чем прохладные взаимоотношения на западном направлении. Тесные, полезные и, можно сказать, дружеские связи поддерживались с тогдашним министром иностранных дел У Он Чжо, которого я знал еще по его работе советником посольства Бирмы в СССР в 70-е гг., с членом Госсовета и министром лесного хозяйства генералом Чит

Све - первым, также в 70-е гг., бирманским военным атташе в Москве, другими мьянманскими государственными деятелями, представителями общественно-политических кругов и просто многочисленными добрыми знакомыми. Их дружественное отношение к России, содействие нашему посольству и лично, установившиеся взаимная симпатия и доверительность не только крепко помогали нам в решении практических задач, более основательном понимании политики Мьянмы и происходящих в этой стране процессов (что отнюдь не всегда означало полного взаимного согласия), но и создавали психологически комфортную, благоприятную обстановку, в которой жилось и работалось более продуктивно, интересно и по-человечески приятно.

Вскоре после «смены караула» на Смоленской площади в начале 1996 г., когда наш МИД возглавил Е.М.Примаков, мы в Янгоне, так же как российские дипломаты в других столицах, почувствовали «ветер перемен». Россия в международных делах стала все больше говорить собственным голосом, исходить из своих национальных задач - не подчиняя их интересам других, но разумно гармонизируя. Перестало быть третьестепенным восточное направление российской дипломатии. Уже не нужно было доказывать Центру очевидных вещей, мы почувствовали себя увереннее. Этот, завершающий для меня период дипслужбы в Мьянме был заполнен, наряду с закреплением упомянутых выше наработок, усилиями, направленными на то, чтобы продуктивно передать эстафету, «застолбив» новые заделы в перспективных областях сотрудничества - торгово-экономического, научно-технического, в сферах современных технологий, образования, культуры, общественных контактов и некоторых других (в ряде случаев представителями заинтересованных российских и мьянманских ведомств были подписаны двусторонние «рамочные» документы о сотрудничестве). Намечавшиеся проекты в той или иной ме-

Посол РФ на церемонии уничтожения наркотиков и психотропных веществ, захваченных правоохранительными органами Мьянмы у наркомафии. Янгон, 1996 г.

ре реализовывались в последующие годы, в том числе по линии бизнес-структур. Четко обозначилось повышение уровня политических контактов и связей. Наши соображения теперь уже встречались как в россий-

ских, так и в мьянманских ведомствах с большим пониманием, чем прежде, не «маринтовались» долгими месяцами и годами - «лед тронулся», хотя известные трудности и сохранялись.

В целом же, за несколько лет удалось в существенной мере реанимировать наши, почти нулевые в начале 90-х, отношения со страной, которая в середине 50-х - 60-х гг., когда СССР осуществил политический и экономический «прорыв» на восточном направлении, была одним из приоритетных для нас партнеров в Азии наряду с такими государствами, как Индия, Индонезия, Афганистан. Это - что касается связей между Россией и Мьянмой в крупном плане. А в человеческом - психологическом и эмоциональном - смысле самое, быть может, главное, что я чувствовал как россиянин, покидая в июне 1997 г. Янгон, - это то, что в Мьянме у нас стало много больше друзей и доброжелателей, и не только в руководящих кругах, но и среди широких национальных, общественных слоев.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В МЬЯНМЕ И ДЖОН МАККЕЙН

У читателя может возникнуть вопрос: так что же, с Мьянмой и ее военным режимом у нас все в порядке? И мы, в отличие от многих других государств, с ним нормально сотрудничаем и не имеем вопросов? Мое личное мнение: нет, почему же - вопросы имеются. Сегодня Мьянма все еще далека от демократии, там, несмотря на сравнительную, притом весьма относительную мягкость правящего режима, зачастую не соблюдаются общепризнанные гуманитарные нормы, нарушаются права человека. Это по-

ложение можно объяснять национально-историческими особенностями развития мьянманского общества, его государственных и социально-политических институтов, специфически сложившейся на протяжении жизни нескольких поколений особой ролью армии, долговременным воздействием опасных центробежных, сепаратистских проявлений и других неблагоприятных факторов, вызовов и угроз, которые подрывали независимость, суверенитет и территориальную целостность страны и «как бы» диктовали жесткую, военно-административную организацию государственной власти и соответствующие методы управления. Но объяснить - не значит оправдать. Вообще, защищать авторитарный режим и его лидеров в какой бы то ни было стране в наше время - неблагоприятное занятие. Но их не стоит и огульно ругать. Лучше попытаться разобраться непредвзято, взвешивая как очевидные минусы, так и имеющиеся плюсы. Нынешний режим в Мьянме не является исключением - за ним немало реальных грехов, но есть и положительные результаты, о которых будет упомянуто ниже.

Исторический опыт многих стран показывает, что сложные внутренние проблемы необходимо разрешать системно и последовательно, привлекая к этому широкие национальные круги, не драматизируя разногласий и не претендуя на монополию в принятии решений. Не говоря уже о том, что в современном мире, при всем внимании к национальному своеобразию каждой страны, курс на развитие без учета мирового опыта, с упором на абсолютизацию собственной специфики и на силовую составляющую не имеет перспективы. Однако вместе с тем, когда сегодня речь заходит о необходимости соблюдения демократических норм и прав человека в таких странах, как Мьянма, думаю, вряд ли корректно предъявлять им те же требования и критерии, которые вполне логичны и правомерны в отношении, скажем, европейских государств или США - слишком различны «здесь» и «там» стартовые позиции и исторически сложившиеся реалии, совершенно несопоставимы условия и уровни развития во всех областях жизни. Тем более, что ни одна страна не может и не должна претендовать на роль «эталона демократии». Любые общественно-политические устройства, в том числе основанные на принципах демократии, созревают веками на конкретных, весьма разнородных национальных, социально-экономических, культурных, религиозных, общественно-психологических и других почвах; соответствующие процессы идут где-то быстрее и «прямее», а где-то медленнее и зигзагами, и «рывки» в этом деле, как показывает опыт многих стран, зачастую бывают, мягко говоря, контрпродуктивными.

Вспоминаю в этой связи небольшую «теоретическую дискуссию», которую я имел в Янгоне с сенатором США Джоном Маккейном (кандидат от республиканцев на выборах президента США в 2008 г.), посетившим Мьянму, если не ошибаюсь, в конце 1996 г. Я познакомился с ним на неофициальном обеде у американского временного поверенного. За столом шел обмен мнениями о том о сем, в том числе о ситуации в стране (при этом присутствовали мьянманцы, среди них министр иностранных

дел). Маккейн был достаточно корректен, но в то же время четко педалировал мысль о необходимости «ускорения демократизации». Мьянманцы вежливо слушали. Я, «заполняя паузу», заметил, что кто-кто, а мы в России хорошо знаем, к чему приводит «ускорение» в таких делах, и как бы в шутку поинтересовался - «а сколько времени заняло продвижение к современной демократии в США?» Маккейн на секунду-другую задумался и серьезно ответил: «Примерно 200 лет». Все, в том числе американцы, рассмеялись. «Ну вот, видите, а у мьянманцев за плечами пока что меньше 50 лет. Давайте пожелаем им двигаться к демократии быстрее, чем в США».

ПОЖЕЛАЕМ БИРМАНЦАМ УДАЧИ

Возможно, у читателя возникнет еще один вопрос: видимо, автор считает, что народ Мьянмы «не созрел» для демократии? И ему надо еще лет сто-сто пятьдесят, чтобы «дозреть»? Нет, автор так не считает. Речь о другом: наивно (как минимум) ожидать, что вестминстерская, или джефферсоновская, или японская, или норвежская демократическая модель может быть успешно, без проблем «привита» на совершенно иной почве. Быть может, повторяясь, но подчеркнем - здесь потребуются, кроме времени, иная форма, а в чем-то и иное содержание, которые будут соответствовать иным историческим, политико-экономическим, социально-культурным и прочим объективно сложившимся условиям и реалиям, иному национальному характеру. Перефразируя известный прогноз известного политического лидера, выскажем предположение: все страны придут к демократии, но каждая - своим путем. Не нужно - и вредно! - пытаться стричь всех под одну гребенку, тем более - «экспортировать» демократию куда-либо. Печально, что даже такой наглядный урок, каким явился иракский «эксперимент» Вашингтона, не убедил некоторых поборников демократии (степень их искренности - отдельный вопрос) в непреложности этих элементарных истин.

Лет двенадцать назад, работая в Янгоне и «размышляя на бумаге» о будущем военного режима, автор высказал предположение, что, как и в некоторых других странах Востока, он будет постепенно эволюционировать, причем вначале - в качестве промежуточного этапа - в своего рода «демократии строгого режима». Вновь вспомнил об этом, знакомясь с заявлением министра иностранных дел Мьянмы У Ньян Вина с трибуны ООН (в октябре 2007 г., вскоре после массовых выступлений оппозиции), в котором он подчеркнул, что «правительство Мьянмы преисполнено ответственности вести свой народ по пути трансформации к дисциплинированной демократии». Что можно сказать по этому поводу?

Военные в Мьянме вот уже без малого полвека представляют собой не просто армию - начиная с младшего командира и до главнокомандующего вооруженными силами - главы государства, это (включая отставников) вполне сформировавшийся политический класс, который прочно держит в своих руках государственную власть на всех уровнях. Что, конечно, нельзя признать нормальным. Тем не менее, это так, и попросту упразднить такое положе-

ние, сложившееся и существующее, как отмечалось выше, в течение жизни двух-трех поколений, невозможно, да и контрпродуктивно. Необходимо, как минимум, учитывать слабость (если не немощность) бирманской национальной демократии плюс фактор сохраняющегося сепаратизма полуфеодальной верхушки ряда национальных меньшинств. Не мы одни убеждены: на протяжении многих лет реальной альтернативой военному правлению в Бирме была не демократия, а хаос и даже распад государства с труднопредсказуемыми последствиями для других стран региона. Бирманские военные предотвратили такое развитие, и это их заслуга.

Всё это понимают и реалистично мыслящие противники военного режима, такие как лидер либерально-демократической оппозиции Аунг Сан Су Чжи, которая в беседе с одним из моих дипломатических коллег в начале 90-х гг. подчеркнула, что в Мьянме ничего не может быть сделано без армии, не говоря уже - вопреки армии. Следовательно, надо договариваться. До сих пор это не получалось - слишком укоренились и, если так можно выразиться, закостенели взаимное недоверие и неприязнь. Но в то же время многие трезвомыслящие мьянманцы, не исключая и представителей оппозиции, отдают себе отчет в том, что при всех издержках именно военное руководство смогло в 90-е гг. умиротворить - и не столько «кнутом», сколько «пряником» - около двух десятков повстанческих организаций и приблизиться к реальному восстановлению в Мьянме внутреннего мира, подорванного еще в 1948 г. В итоге удалось не допустить превращения Мьянмы ни в «Кампучию» по полпотовскому образцу, ни в «бывшую Югославию» по натовскому сценарию. За последние 20 лет на пути постепенных (не обвалных!) рыночных реформ при регулирующей роли государства, включая привлечение иностранных капиталовложений, удалось добиться, несмотря на отставание от «азиатских тигров», заметного экономического прогресса и определенной модернизации; удалось расширить внешние, в т.ч. региональные, связи Мьянмы.

С другой стороны, уже и военное руководство под воздействием внутренних и внешних факторов, похоже, постепенно стало осознавать невозможность дальнейшего сохранения в неприкосновенности нынешнего режима, необходимость «поделиться» властью. На словах это признавалось и раньше - армейские лидеры, начиная с Не Вина, не раз говорили о «вынужденном» и «временном» характере военного режима, противоречивости ситуации длительного нахождения армии у власти, перспективах перехода к конституционной форме правления (но с учетом особой роли вооруженных сил!) - и некоторые шаги в этом направлении предпринимались. Так, в 1974-1988 гг. в стране, впервые после 1962 г., хоть и во многом формально, но действовали конституция и соответствующие институты. В мае 1990 г. были проведены парламентские выборы, вчистую проигранные партией власти (что не имело, тем не менее, каких-либо практических последствий). В 90-х в течение ряда лет заседал (со значительными перерывами) Национальный конвент по выработке проекта нового Основного закона.

Как правило, начинания подобного рода реализовывались непоследовательно - они либо прерывались, как упомянутый выше «эксперимент» с выборами, либо постепенно «уходили в песок», так что критикуют генералов во многом справедливо. Дело с реформированием власти явно затянулось, и время от времени обострение политической ситуации в стране дает это почувствовать.

Думаю все же, что рано или поздно различные круги мьянманского общества - его нынешнее военно-государственное руководство, военно-политический класс в целом, с одной стороны, и широкая демократическая оппозиция, иные общественно-политические силы - с другой, в интересах страны и в собственных же интересах наладят конструктивный политический диалог и придут к взаимоприемлемому компромиссу, долговременному согласию и национальному примирению в целях обеспечения стабильного развития Мьянмы, ее перехода через те или иные этапы к демократической модели общественно-политического устройства.

В последний период обозначились определенные признаки вероятности позитивного поворота - речь идет об объявленной и постепенно реализуемой руководством Мьянмы «дорожной карте» демократических преобразований, общенациональном референдуме в мае 2008 г. по проекту новой Конституции (которую намечается принять в 2010 г., вместе с проведением парламентских выборов) и некоторых других шагах, направленных на продвижение процесса демократизации в этой немаловажной стране Юго-Восточной Азии с населением более 50 млн человек и территорией, равной Франции. Хотелось бы надеяться, что полезным катализатором указанного процесса послужит корректное, без неуместных поучений и вмешательства в сугубо внутренние дела Мьянмы, содействие ООН, международного сообщества в целом. Как было справедливо отмечено в послании президента РФ Д.А.Медведева Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г., «для достижения позитивных результатов «проблемные» государства - в какой бы точке земного шара они ни находились - надо не изолировать, а вовлекать в диалог». Одновременно Мьянма нуждается в долгосрочной реальной помощи в деле преодоления последствий катастрофического циклона, ударившего по этой стране в мае 2008 г.

В этих условиях Россия продолжает развивать с Мьянмой нормальные, взаимовыгодные связи, расширять их в реальных секторах сотрудничества. Полагаю, что Москве нет никакого резона менять эту линию.

Подводя итог, вновь зададимся вопросом: так как же все-таки это было в 90-х - на примере наших отношений с Мьянмой? Отвечу: было по-разному, И так и эдак, как и многое другое в те годы, но постепенно становилось лучше. Еще раз уточню: в данном конкретном, хоть и небольшом, сегменте дела пошли по восходящей. Потому, что в конечном счете, если не все, то многое зависело - и зависит - от нас самих.

Фото автора